

Б.С. Шалютин

О ВЫЗОВАХ ПРИМАТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЭМПАТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ И ПРИРОДЕ КОГНИТИВНОГО ОТРЫВА ЧЕЛОВЕКА ОТ ОБЕЗЬЯНЫ

Шалютин Борис Соломонович – доктор философских наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Курганской области. Российская Федерация, 640002, г. Курган, ул. Гоголя, д. 56; e-mail: shalutinbs@mail.ru

В статье рассматриваются недавние выдающиеся достижения в изучении антропоидов, но при этом подвергаются критическому анализу утверждения лидеров мировой приматологии об отсутствии качественного отличия между обезьянами и человеком в когнитивной сфере, способах организации сообществ и механизмах регуляции поведения. Согласно представленной позиции, природу от общества отделяет самостоятельная онтологическая ступень – исчезнувший после миллионов лет существования постприродный мир, в рамках эволюции которого возникли базовые единицы бытия нового типа – не фиксируемые сенсорно постприродные общности, выступавшие в качестве надьиндивидуальных субъектов. Система их когнитивной репрезентации формировалась на базе эмпатического познания, развитие которого привело к становлению несенсорной понятийной когнитивной системы, тогда как интеллект животных остался в рамках сенсорного познания и неразрывно связанных с ним простых форм эмпатического познания. Возникшая изначально в контексте обеспечения нового типа субъект-субъектных отношений качественно новая понятийная когнитивная система позволила обнаружить не фиксируемые сенсорно сущности и отношения не только в социальном, но и во всяком другом, в том числе природном, бытии.

Ключевые слова: социальная философия, эпистемология, приматология, постприродный мир, культура, политика, мораль, эмпатическое познание, понятие, рациональное познание

Для цитирования: Шалютин Б.С. О вызовах приматологической революции, эмпатическом познании и природе когнитивного отрыва человека от обезьяны // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 4. С. 15–31.

О приматологической революции и «приматологической философии». Месседж де Вааля

В последние десятилетия представления о возможностях высших обезьян претерпели революцию, масштаб которой имеет немного аналогов в истории науки вообще. Вызванные ею мировоззренческие вопросы обсуждают при-

матологи и этологи, психологи и лингвисты, но гораздо реже – философы. Между тем адекватное осмысление принципиально новых знаний возможно лишь через диалог философии и науки. Свое участие в этом диалоге начну здесь с того, что, не претендуя на системное резюме, приведу некоторые знаковые, в т.ч. непосредственно эмпирические, результаты исследований приматологов, разделив их для удобства изложения на четыре в действительности часто переплетающихся блока: индивидуальная психика (затрону лишь когнитивные процессы), предметное, символическое и взаимное внутривидовое поведение.

Когнитивная сфера. Шимпанзе Лизе предложили вертикальную трубу, наполненную водой, на поверхности которой плавал арахис. Дотянуться до него было невозможно. После ряда тщетных попыток Лиза добежала до пилки, набрала в рот воды и, вернувшись, вылила в трубу. После нескольких повторений вода поднялась до уровня, позволившего достать арахис. Только 58 % восьмилетних и 8 % четырехлетних детей решили эту же задачу¹.

Шимпанзе Аюму прикасался к экрану, на котором после этого в беспорядке появлялась серия цифр от 1 до 9. Аюму дотрагивался до них в порядке возрастания, даже когда цифры, едва мелькнув (время предъявления 0,21 секунды), заменялись на белые квадраты. Точность – 80 %. Ни один человек не смог достичь такого результата².

В знаменитой петиции «Non Human Rights Project on behalf of Tommy v. Patrick Lavery. Petitioners Memorandum of Law. New York State»³, поддержанной данными под присягой показаниями крупнейших современных приматологов (в т.ч. J. Goodall, S. Savage-Rumbaugh, T. Matsuzawa, W. McGrew и других), к числу доказанных когнитивных характеристик и способностей обезьян отнесены наличие автобиографического «Я», эпизодическая память, самоопределение, самосознание, самопознание, рабочая память, ментальное перемещение во времени, понимание причинно-следственных связей и многое другое⁴.

Орудийная деятельность. Анри Бергсон однажды заметил: «Представляется... маловероятным, чтобы природа... поставила... сознанию чисто научную задачу осведомлять нас...»⁵. Когнитивные способности обезьян, прежде всего, обеспечивают их поведение, проявляясь наиболее наглядно в орудийной деятельности, исследования которой далеко продвинулись после обнаружения общеизвестного теперь изготовления шимпанзе «удочек» для ловли термитов.

В Сенегале шимпанзе изготавливают деревянные колья, отламывая, очищая от листьев и побегов и затачивая зубами ветки, и охотятся с ними на небольших приматов галаго⁶.

¹ Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? М., 2017. С. 77.

² Inoue S., Matsuzawa T. Working memory of numerals in chimpanzees // Current Biology. 2007. Vol. 17. No. 23. P. 1004–1005.

³ Исковое заявление американской некоммерческой организации «Non Human Rights Project», поданное 02.12.2013 в суд Нью-Йорка от имени шимпанзе Томми о предоставлении ему физической свободы (habeas corpus).

⁴ Non Human Rights Project on behalf of Tommy v. Patrick Lavery. Petitioners Memorandum of Law. New York State. 02.12.2013. URL: <http://www.nonhumanrights.org/content/uploads/2013/12/Memorandum-of-Law-Tommy-Case.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

⁵ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 65.

В Габоне шимпанзе добывают мед комплектом из пяти орудий: пестик (толстая палка для взлома входа в улей), бур (им протыкают улей, чтобы добраться до отделения с медом), расширитель (для расширения прохода), коллектор (палка с расщепленным концом, чтобы погружать в мед и доставать его) и щетка (кусочек коры, чтобы счищать мед)⁷. «Каменный век шимпанзе», как видно из исследования недавно обнаруженных на территории Кот-д'Ивуара каменных орудий для раскалывания орехов, начался, по меньшей мере, 4300 лет назад; соответствующая технология негенетически транслировалась «в течение более 200 поколений»⁸.

Установлено, что **каждое** современное сообщество шимпанзе использует уникальный комплект из 15–25 типов орудий, которые **«совершенно необходимы шимпанзе для выживания»**⁹.

К языку и понятиям. Дискуссия, последовавшая за сенсационной статьей Гарднеров¹⁰ об освоении шимпанзе Уошо основ амслена (американского языка глухонемых), способствовала значительному повышению строгости экспериментов в этой сфере, особенно в группе С. Сэвидж-Рамбо. Здесь помимо амслена использовался т.н. йоркиш – специально разработанный язык из лексиграмм, т.е. соответствующих словам условных знаков, организованных в виде компьютерной клавиатуры. Бонобо Канзи и Панбаниша не только освоили амслен и йоркиш, но еще и сами научились понимать звучащую английскую речь. «По данным С. Сэвидж-Рамбо, исключительных лексических успехов достигла в настоящее время Панбаниша. Она понимает около 3000 слов английской речи (Канзи понимает около 2500 слов)»¹¹. Помимо лексики высшим обезьянам доступен не только простейший синтаксис, но и, например, понимание условных предложений¹², они способны обсуждать с людьми то, что не относится к настоящему времени¹³, есть основания предполагать обмен информацией между самими говорящими обезьянами на внеситуативные темы, не связанные с непосредственным действием¹⁴, под силу им и овладение элементарным письмом¹⁵. Даже если, как считают некоторые авторы, приведенные цифры объема осваиваемой лексики несколько завышены¹⁶, «...можно с полной уверенностью утвер-

⁶ Pruetz J.D., Bertolani P. Savanna Chimpanzees, Pan troglodytes verus, Hunt with Tools // Current Biology. 2007. Vol. 17. No. 5. P. 412–417.

⁷ Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? С. 67.

⁸ Mercader J., Barton H., Gillespie J., Harris J., Kuhn S., Tyler R., Boesch C. 4,300-Year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104. No. 9. P. 3043–3048.

⁹ Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? С. 67.

¹⁰ Gardner A., Gardner B. Teaching sign language to a chimpanzee // Science. 1969. Vol. 165. No. 3894. P. 664–672.

¹¹ Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004. С. 152.

¹² Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006. С. 236.

¹³ Там же. С. 267–268.

¹⁴ Бутовская М.Л. Язык тела. С. 152.

¹⁵ Savage-Rumbaugh S., Fields W.M. The Evolution and the Rise of Human Language: carry the baby // Homo Symbolicus: the dawn of language, imagination, and spirituality. Amsterdam; Philadelphia, 2011. P. 29.

¹⁶ Зорина З.А., Смирнова А.А. Указ. соч. С. 156.

ждать, что в некоторых аспектах владения языком шимпанзе приближаются к детям двух или даже трех лет»¹⁷.

Успехи языковых экспериментов стимулировали исследования формирования у животных понятий. При этом, по крайней мере, ряд авторов отождествляли их, вслед за Л. Выготским, с обобщением: «Значение слова, с психологической стороны... есть не что иное, как обобщение, или понятие. Обобщение и значение слова суть синонимы»¹⁸. Опираясь на работы Л. Орбели, О. Кёлера, Л. Фирсова, А. и Б. Гарднеров, С. Сэвидж-Рамбо и на собственные эксперименты, Зорина и Смирнова показывают, что и символизация, и весьма сложные и разнообразные обобщения, так называемые протопонятия или довербальные понятия, доступны высоко развитым животным. В таком теоретическом и эмпирическом контексте они приходят к следующему выводу об экспериментах с использованием амслена и йоркиша: «Уже у первых обезьян усвоение знаков происходило на основе обобщения и сопровождалось образованием понятий того уровня, который в обычных экспериментах характеризовался как протопонятийный, или уровень довербального понятия – с переносом обобщения на стимулы других категорий и другой модальности»¹⁹. Таким образом, согласно этим исследователям, когнитивная сфера высших обезьян оказывается способной включить в себя и понятийный уровень.

Взаимное поведение в сообществе²⁰. В 1982 г. Ф. де Вааль выпустил книгу²¹, посвященную истории борьбы за власть в сообществе шимпанзе на острове в зоопарке г. Арнема. Он установил, что ключевым моментом в этой борьбе выступает не «физическая сила – лишь один из факторов выяснения отношений доминирования»²², а способность обеспечивать поддержку членов группы. Самцы могут образовывать и разрывать как общие союзы, так и «договоры» по конкретным аспектам поведения²³, могут в течение месяцев совместными действиями дискредитировать конкурентов перед «электоратом» и даже многие годы удерживать власть, создавая за счет «системы взяток» команды агентов влияния²⁴. Такие стратегии вырабатываются лидерами самостоятельно и существенно различны в разных группах. Сюжет заканчивается трагической страницей – ночным убийством альфа-самца объединившимися против него бета- и гамма-самцами, которые затем возглавили группу, образовав дуумвират.

Де Вааль обнаружил, что позиция альфа-самца не только дает привилегии, но и налагает на него обязанности, прежде всего по поддержанию **правил**, т.е. поведенческих паттернов, которые, в отличие от инстинктивных, особь **в состоянии** нарушить и которые потому требуют негенетических

¹⁷ Зорина З.А., Смирнова А.А. Указ. соч. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 162.

²⁰ Этологи и приматологи не колеблясь используют понятие **социального** поведения, что, как мне представляется, уже на уровне самого термина неправомерно сближает животных и людей. Термин **«взаимное поведение»** представляется в этом контексте более уместным.

²¹ Валь Ф. де. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М., 2014. (В русском переводе этой книги фамилия автора, в отличие от чаще встречающегося варианта «Де Вааль», пишется «Де Валь».)

²² Там же. С. 116–117.

²³ Там же. С. 210–211.

²⁴ Там же. С. 222.

механизмов их контроля и обеспечения. «Контролирующая роль альфа-самца является не столько милостью с его стороны, сколько обязанностью: от нее зависит само его положение»²⁵; «вожак получает помощь и уважение группы в обмен на поддержание порядка»²⁶. Часть этих правил, кодификация которых впереди, ограничивает внутреннюю агрессивность в группе²⁷. Альфа-самец пресекает угрожающие чрезмерной жестокостью столкновения, защищает слабых, в т.ч. самок, от агрессии самцов. Существенно, что он не является источником правил, а если сам их нарушает, то встречает яростное сопротивление²⁸ и сталкивается с направленной против него солидарной агрессией других шимпанзе.

В более поздних исследованиях де Вааль в значительной мере сосредотачивается на феномене эмпатии²⁹, наиболее развитой у бонобо: «Стоит одной особи хотя бы слегка пораниться, и его тут же окружают сородичи, готовые осмотреть и вылизать рану или хотя бы разобрать шерсть и утешить бедняжку грумингом»³⁰. Альтруизм, полагает он, «...вырастает из эмпатии к тем, кто нуждается в помощи, а весь смысл эмпатии состоит в стирании границы между собой и другим существом»³¹. «Наш мозг устроен так, что легко размывает грань между самим человеком ("Я") и окружающими»³². Де Вааль приводит множество иллюстраций из жизни бонобо и шимпанзе, демонстрирующих силу и огромную роль сопереживания во взаимном поведении антропоидов, в том числе не родственных. Вот одна из них: «Лоди вообще покровительствовал очень многим, в том числе самке по имени Китти. Она ослепла и оглохла от старости и легко могла заблудиться в здании, полном дверей и туннелей. Утром Лоди осторожно выводил ее на любимое солнечное местечко на травке, а к концу дня будил, чтобы за руку проводить обратно в дом»³³. Исследования де Ваала и его коллег рушат миф «зоологического индивидуализма», еще недавно воспроизводившийся как нечто самоочевидное³⁴.

Здесь нет возможности остановиться подробнее на других механизмах поддержания мирной жизни в сообществе, но необходимо хотя бы упомянуть о системе разрешения конфликтов высокоранговыми особями, удаление которых влечет эскалацию агрессии³⁵, о наказании виновных (даже отсроченном, если немедленное невозможно)³⁶, о своего рода действенном чувстве справедливости, вплоть до отказа от качественного вознаграждения за выпол-

²⁵ Валь Ф. де. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М., 2014. С. 152.

²⁶ Там же. С. 180.

²⁷ Там же. С. 151.

²⁸ Вааль Ф. де. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М., 2014. С. 233.

²⁹ В приматологии понятие эмпатии несколько отличается от других областей знания, смыкаясь с сопереживанием и базирующимся на нем поведением.

³⁰ Там же. С. 121.

³¹ Там же. С. 52.

³² Там же. С. 81–82.

³³ Там же. С. 268.

³⁴ Замечу попутно, что «зоологический индивидуализм» – глубоко ошибочное понятие даже независимо от феномена эмпатии. Поведенческая программа животной особи имеет своей миссией сохранение вида, а не особи, поэтому особь в норме ведет себя в собственных интересах, лишь если они совпадают с видовыми. В иных ситуациях особь может действовать совершенно иначе, вплоть до самоубийства.

³⁵ Там же. С. 70–71.

³⁶ Валь Ф. де. Политика у шимпанзе. С. 257.

ненную работу, когда другие особи такого вознаграждения не получают³⁷, а также о системе взаимных обменов: «Групповая жизнь шимпанзе похожа на рынок власти, секса, любви, поддержки, нетерпимости и враждебности. Два его основных правила: “услуга за услугу” и “око за око, зуб за зуб”»³⁸; «Эти человекообразные обезьяны строят на этом настоящую социальную экономику; в обмен идет все, от пищи до секса и от груминга до поддержки в драке. Создается впечатление, что каждый шимпанзе аккуратно подсчитывает и регистрирует все оказанные ему услуги и формирует по ним ожидания и даже обязательства; отсюда такая резкая негативная реакция на обманутое доверие»³⁹.

Фантастические достижения закономерно стимулировали мировоззренческие и методологические размышления приматологов, сформировавшие достаточно определенную позицию, доминирующую в приматологическом, а возможно, и этологическом сообществе.

Относительно когнитивных процессов провозглашается «отсутствие разрыва в познавательных способностях человека и человекообразных обезьян»⁴⁰. Согласно Т. Мацузава, «...шимпанзе могут превзойти людей в решении когнитивных задач. Многие до сих пор сохраняют наивную веру, что люди превосходят других животных во всех интеллектуальных областях. Это неправда. Каждый вид разработал свой собственный уникальный способ адаптации к окружающей среде»⁴¹. Де Вааль: «Я рассматриваю человеческий разум как вариант животного разума»⁴².

Рефлексия над предметной (изначально) деятельностью высших обезьян привела к определению понятия культуры как системы негенетически транслируемого поведения и его распространению на высокоразвитых животных⁴³. «Культура животных стала предметом эмпирических исследований. Биологи теперь изучают, как животные обучаются друг от друга, и какими способами образ жизни транслируется не генетически, а посредством культуры»⁴⁴. «Многое из того, что обнаружено сейчас у вольно живущих шимпанзе, это уже результат существования культурной традиции, навыки, которые усваиваются с детства путем подражания старшим, а также благодаря направленному обучению малышей взрослыми»⁴⁵.

Борьбу за власть у шимпанзе де Вааль называет политикой: «Если придерживаться предложенной Гарольдом Ласвеллом знаменитой дефиниции политики как социального процесса, определяющего “кто, что, когда и как получает”, вряд ли можно сомневаться в том, что шимпанзе занимаются ею. Поскольку и у нас, и у наших ближайших родственников этот процесс предполагает устрашение, создание коалиций и тактики изоля-

³⁷ Вааль Ф. де. Истоки морали. С. 328, 330–331.

³⁸ Валь Ф. де. Политика у шимпанзе. С. 247.

³⁹ Вааль Ф. де. Истоки морали. С. 190.

⁴⁰ Зорина З.А., Смирнова А.А. Указ. соч. С. 303.

⁴¹ Matsuzawa T. Q & A // Current Biology. 2007. Vol. 19. No. 8. P. 311.

⁴² Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? С. 11.

⁴³ Пионером здесь еще в Средине прошлого века стал К. Иманиши (см.: Waal F. de. Cultural primatology comes of age // Nature. 1999. Vol. 399. P. 635–636). Сегодня в рамках сложившейся в самостоятельную научную дисциплину культурной приматологии помимо предметной выделяют и другие области культуры высших обезьян.

⁴⁴ Savage-Rumbaugh S., Fields W. M., Segerdahl P., Rumbaugh D. Culture prefigures cognition in Pan/Homo Bonobos // Theoria. 2005. No. 54. P. 312.

⁴⁵ Зорина З.А., Смирнова А.А. Указ. соч. С. 69.

ции, общая терминология вполне оправдана»⁴⁶. Анализируя эмпатию, он говорит: «[У приматов формируется] внутренний набор правил и ограничений, который я называю межличностной моралью... Мораль связывает их и помогает сформировать приемлемый для всех образ жизни»⁴⁷. Хотя де Вааль все же не считает «межличностную мораль» моралью в собственном смысле слова (к этому я вернусь позже), он выражается, например, следующим образом: «Природная этика помогает объяснить, как мы пришли к сегодняшнему состоянию...»⁴⁸, – т.е. использует по отношению к приматам понятие этики в том его значении, в котором в гуманитарной литературе оно синонимично морали. Помимо политической и этической, де Вааль использует также и юридическую терминологию, говоря о правовом принуждении [law enforcement] и предписывающих правилах [prescriptive rules]⁴⁹. Политика, мораль, право относятся к числу системообразующих регуляторов развитой социальности, соответственно, закономерным выглядит и обобщающее утверждение де Вааля: «Социальная организация шимпанзе настолько напоминает человеческую, что в это едва можно поверить»⁵⁰.

Граничащие с человеческими когнитивные способности, наличие культуры, близкая к человеческой социальная организация – если все это принять в качестве посылок, то не будут удивительными в качестве заключения следующие высказывания:

Мацузава: «Люди являются одним из видов в животном царстве»⁵¹.

Де Вааль: «Сегодня нам известны факты, которые показывают, что разрыв между человеком и животными не так уж велик»⁵².

Бутовская: «Данные из области приматологии, накопленные к настоящему времени, существенно подрывают традиционные представления о качественной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами малоперспективными. Конечно, различия существуют, но они по большей части количественного порядка»⁵³.

Правда, почти никто не оспаривает уникальность человеческого языка, поскольку даже самые знаменитые из «говорящих обезьян» едва ли достигают в овладении им уровня трехлетнего ребенка. «Язык – это особая, сложная способность, которую люди имеют, и она затрагивает все вокруг нас, включая наши когнитивные структуры. С самого раннего возраста слова начинают влиять на то, как мы думаем»⁵⁴, – говорит де Вааль. Однако при отсутствии конкретизации тезис о влиянии языка на когнитивные структуры малосодержателен и тонет в потоке утверждений об отсутствии качественного различия между миром высших обезьян и миром людей.

⁴⁶ Валь Ф. де. Политика у шимпанзе. С. 9.

⁴⁷ Вааль Ф. де. Истоки морали. С. 232.

⁴⁸ Там же. С. 334.

⁴⁹ Waal F. de. Dr. Frans de Waal – The Feelings of Animals’. 22.09.2012. Min. 11–12. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nXNjotZU6U> (дата обращения: 03.02.2019).

⁵⁰ Валь Ф. де. Политика у шимпанзе. С. 24.

⁵¹ Matsuzawa T. Op. cit. P. 311.

⁵² Валь Ф. де. Политика у шимпанзе. С. 18.

⁵³ Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9. С. 93.

⁵⁴ Richardson J. An Interview with Frans de Waal. URL: <https://voicesforbiodiversity.org/articles/an-interview-with-frans-de-waal> (дата обращения: 03.02.2019).

Характеризуя в ноябре 2017 г. в интервью с Дж. Ричардсоном, исполнительным директором Blackstone Ranch Institute, своей основной message аудитории, де Вааль сказал: «Я полагаю, основное послание адресовано тем, кто работает в области гуманитарных наук, психологии, социальных наук, бизнеса, философии и т.д., потому что они очень часто исходят из предположения, что человек является особым и несравнимым с другими видом, тогда как я думаю, что люди – это животные, и во многих отношениях мы действуем как животные. Даже в том, что нас больше всего впечатляет относительно нас самих, подобно морали и культуре, мы можем проводить параллели с другими видами. Мы все имеем общий эволюционный бэкграунд, и я хочу встряхнуть гуманитарные науки и антропологию, которые живут в этом иллюзорном, додарвиновском мире, который, на мой взгляд, более религиозный, чем научный. Я хочу, чтобы они поняли, что мы по существу [basically] животные»⁵⁵.

Думаю, было бы крайне невежливо проигнорировать послание выдающегося ученого.

Не стена, а пустыня

«По образному выражению известного антрополога Э. Бейтс, “Берлинская стена пала, и это была стена, которая отделяет шимпанзе от человека”»⁵⁶. Метафора стены, отделяющей человека от обезьяны, широко распространена. Если стена, то она может пасть или, например, по де Ваалю, быть продырявленной. Однако эта метафора ложна. Впрочем, начну с того, в чем с приматологами надо согласиться, – с переосмысления понятия культуры.

Удивляет живучесть очевидно несостоятельного неразрывного «сцепления» культуры с человеком. Достаточно сказать, что такое сцепление требует трактовать любую не людьми созданную развитую цивилизацию как лишнюю культуру, абсурдность чего очевидна. Культура в своей сущности не связана с физическими свойствами носителей и должна определяться на собственной основе. Иначе невозможна даже постановка вопроса о ее наличии у кого-либо еще, кроме людей.

На уровне неживых тел макромира онтологическими единицами выступают сами тела⁵⁷: *зот* камень, кусок льда, ком земли и т.п. В живом, в том числе животном, мире ситуация другая: базовая единица животного мира – вид. Особи и группы существуют по генетически запечатленному видовому закону. В сущности, вид – это и есть закон, воплощающий себя в особях и группах. Тело особи – «флешка», на которой записан видовой закон жизнедеятельности, в т.ч. поведения. Хотя поведение, в отличие от физиологических процессов, предполагает лишь «рамочную» детерминацию, поведенческие находки умирают вместе с той особью, которая их изобрела. Но когда изобретения начинают негенетически передаваться и даже накапливаться от поколения к поколению, это означает, что вид как единая система

⁵⁵ Richardson J. An Interview with Frans de Waal. URL: <https://voicesforbiodiversity.org/articles/an-interview-with-frans-de-waal> (дата обращения: 03.02.2019).

⁵⁶ Зорина З.А., Смирнова А.А. Указ. соч. С. 304.

⁵⁷ Обсуждение сложного вопроса о базовых онтологических единицах нижележащих уровней неживой природы – тел микромира и невещественных материальных сущностей (различных полей) – в данном контексте излишне.

жизнедеятельности размывается и на одной и той же биологической основе формируются различные способы существования. Это нельзя трактовать иначе, чем **онтологический прорыв** и, соответственно, выход за пределы животного, а тем самым и вообще природного, бытия.

Осмысленная Протагором специфика человека как живущего «не по природе, а по установлению» сегодня находит выражение в понимании культуры как негенетической трансляции поведения, и обнаружение ее у животных не противоречит этому. Культура могла родиться только в природе и развиваться там из призрачного посредника между биологической адаптацией и средой в **системообразующий** закон поведения, в саму среду, становящуюся фактором физической эволюции. Именно таким и был механизм преодоления границ природы, которое иначе следовало бы признать чудом.

Сложившийся словарь естествознания в принципе не позволяет описать разрывающие парадигму открытия, что провоцирует захват гуманитарного тезауруса, размывающий его и несущий угрозу самому гуманитарному знанию. Если переопределение культуры оказалось продуктивно и стимулировало экспликацию сущностного содержания этого понятия, то для других категорий ситуация оказалась совсем иной. Наиболее очевидно это для политики.

В политике индивид выступает не сам по себе, а как представитель социальной группы или иной социальной подсистемы. Политика – одна из сфер жизни **общества**, прорастание **социальной структуры**, интересов различных социальных групп и иных подсистем в систему институционально организованной централизованной власти. Последней мало кто дает больше десяти тысяч лет от роду, так что политики не было не только у обезьян, но и на протяжении **десятков тысячелетий** у обществ homo sapiens sariens. Политика обладает устойчивой надындивидуальной структурой, коррелирующей с социальной. В группах обезьян нет не только политики, но и ее базовой и несопоставимо более ранней предпосылки – социальной структуры, предполагающей комплекс устойчивых надындивидуальных отношений институционально воспроизводящихся подсистем. Внутригрупповые объединения обезьян не обладают этими характеристиками, а обусловлены исключительно природными характеристиками и межиндивидуальными отношениями особей.

В сравнении с высказываниями о политике, о морали де Вааль говорит более корректно. Рассматривая эмпатию как ее основу (игнорируемый большинством этиков взгляд, блестяще аргументированный в свое время Шопенгауэром, о чем, видимо, де Ваалю неизвестно), он, однако, замечает: «В то же время я бы поостерегся называть шимпанзе “моральным существом”». Дело в том, что одних чувств недостаточно⁵⁸. Мораль в этой логике конституируют нравственное размышление, понятия добра и зла, и она присуща лишь людям. Между тем сам генезис нравственного размышления (не обсуждаемый де Ваалем) обусловлен становлением «зачинающей» социальное бытие социально структурированной системы⁵⁹: поскольку эмпатия

⁵⁸ Вааль Ф. де. Истоки морали. С. 31.

⁵⁹ Общество возникает как базирующийся на экзогамии межгрупповой союз. Эта гипотеза К. Леви-Стросса остается наиболее принятой и представляется мне верной, хотя и в модифицированном виде. Подробнее см.: Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 14–26.

тия возникает, прежде всего, по отношению к «своим»⁶⁰, то атрибутивное обществу наличие у индивида нескольких социальных самоидентификаций неизбежно порождает ситуации конфликта сопереживаний, когда эмпатические механизмы действуют «на разрыв». В рамках эмоциональной детерминации поведения такие проблемы неразрешимы. Выход из тупика и открывает становление нравственного размышления, обуславливающего моральный **выбор**. Синтез сопереживательного начала и свободного рационального выбора конституирует мораль как особый механизм социальной регуляции.

Даже предпосылки социально структурированных систем формируются не в природе, а в эволюционно следующем за ней постприродном мире. Постприродный мир – самостоятельная **не сохранившаяся сегодня** ступень с качественно отличными от природы законами функционирования и логикой развития⁶¹. Общество **не соседствует** с природой. Между нами не стена, а огромное пространство постприродного мира, превращенное в пустыню, в мертвую зону усилиями ставшего социальным и уничтожившего конкурентов *homo sapiens sapiens*. Движение там происходило на протяжении не менее (скорее, заметно более) семи миллионов лет, и тогда оно было наполненным интенсивной жизнью, которая и обеспечивала это движение. Конструкт иудео-европейской культуры – воображаемая стена вдоль границы природы, – будь она реальной, отделяла бы последнюю не от общества, а от постприродного мира. Однако вместо стены здесь оказалась зона перехода, которая непрерывно трансформировалась в постприродное пространство, постепенно становившееся кардинально иным в сравнении с природой. По де Ваалу, гуманитарии живут в додарвиновском мире. На самом деле именно идея нашего соседства с природой, некоей стены, да еще и рухнувшей, напрочь противоречит эволюционизму, выбрасывая миллионы лет эволюционного процесса, когда как раз и происходила мощнейшая когнитивная эволюция, эволюция предметной и символической культуры, форм взаимного поведения и организации сообществ. Эволюция постприродного мира, перспектива исследования которой готовит массу открытий, и привела к формированию комплекса предпосылок, сделавших возможным переход к обществу. Чтобы предварительно зафиксировать некоторые из них, вернемся к явлению эмпатии, но рассмотрим его под новым углом зрения.

⁶⁰ Вааль Ф. де. Истоки морали. С. 202, 207.

⁶¹ Трансформация природного мира в постприродный происходила по мере превращения культуры из сравнительно незначительной по объему и роли в жизнеобеспечении, что характерно для высших обезьян, в системообразующее основание способа существования наших предков. Эволюция постприродного мира базировалась не на биологической логике, а на конкуренции постприродных общностей, конкурентоспособность которых зависела от воспроизводившихся и развивавшихся ими культур. Именно логика культурной эволюции стала в этот период также основной детерминантой эволюции биологической. Совокупность культурных и антропологических достижений постприродного мира создала предпосылки для нового качественного скачка – перехода к социальному миру, обществу, т.е. тому способу существования, который характерен для всех ныне живущих людей. (Подробнее о качественной специфике постприродного мира в сравнении с природным и социального в сравнении с постприродным см.: Шалютин Б.С. Правогенез как фактор становления общества и человека. С. 14–26.)

Де Вааль солидаризируется с концепцией социального интеллекта⁶², но, как ни странно, не проводит отчетливой линии его связи с эмпатией, рассматриваемой обычно вне когнитивного контекста. Между тем сопереживание, или эмпатия, не только лежит в основе морали, но и образует важнейшую ступень когнитивной эволюции⁶³. Эмпатическое познание представляет собой когнитивный механизм, который, с одной стороны, рядоположен сенсорному и рациональному, а с другой – именно его развитие и приводит к становлению понятий, т.е. «кирпичиков», рационального познания⁶⁴.

Эмоция – начало, которое порождает действие, поведение, не только энергетически обеспечивая его, но и задавая направленность. Боль не просто энергизирует организм, но и направляет энергию на действия, уводящие от болепорождающего фактора или позволяющие его заблокировать, гнев толкает нападать, страх – убежать и т.д. Поэтому эмпатическое вчувствование позволяет прогнозировать поведение. Прогноз ситуативного поведения другого на основе непосредственного переживания его эмоционального состояния – когнитивная функция первой, простейшей формы эмпатического познания. Более сложная его форма, индивидуальный субъектный репрезентант, – это интериоризованный Другой, как бы живущий в моем сознании⁶⁵. Чем ближе он к реальному Другому, тем точнее я могу прогнозировать его поведение, в том числе надситуативное, моделировать через оперирование таким репрезентантом (репрезентантами) разные варианты взаимного поведения, решая задачи, связанные с взаимодействием других со мной и между собой.

Обе эти формы эмпатического познания присущи высшим обезьянам, что и позволяет им выстраивать и реализовывать, например, описанные выше сложнейшие стратегии борьбы за власть. Однако есть недоступная животным форма, по своему генезису связанная со становлением предпосылок социальной дифференцированности на стадии постприродного мира, – **обобщенный** субъектный репрезентант. Я прогнозирую поведение другого на основе не знания его лично, а известной мне его принадлежности к некоторой **категории** людей. Например, в ситуации войны, идентифицируя кого-либо как врага, как своего, как союзника или как представителя нейтральной стороны, я выстрою разные поведенческие прогнозы, причем на основе категоризации, а не индивидуальных характеристик. Такой обобщенный субъектный репрезентант обладает всеми признаками **понятия**, иначе говоря, это уже **понятие**.

⁶² Концепция, разработанная Г. Куммером, А. Джолли и Н. Хамфри, согласно которой «эволюция интеллекта приматов осуществлялась под давлением социальной, а не физической среды... из-за потребности перехитрить других, распознать тактики обмана, достигнуть взаимовыгодных компромиссов и создать социальные связи, способствующие карьере» (Валь Ф. де. Политика у шимпанзе. С. 64–65).

⁶³ Шалютин Б.С. Со-субъектность как основание морального, понятийного и религиозного сознания // Религия, человек, общество: Тезисы сообщений международного научного религиозно-философского конгресса (Курган, 22–24 сентября 1998 г.). Ч. 2. Курган, 1998. С. 115–117.

⁶⁴ Стоит отметить, что в концепции М. Томаселло «разделение с другими эмоциональных состояний» (т.е. эмпатия) входит в состав того «базового когнитивного навыка», который лежит в основании специфически человеческой коммуникации (Томаселло М. Истоки человеческого общения. М., 2011. С. 263).

⁶⁵ Подробнее о формах эмпатического познания см.: Шалютин Б.С. О сущности и формах эмпатического познания // Вестник Курганского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 1. С. 26–30.

Возникновение понятий происходит на базе и в рамках сформировавшейся автономной системы эмпатического, а вовсе не сенсорного, как всё еще многие думают, познания. Приведенный ранее вывод З. Зориной и А. Смирновой о возникновении понятий у животных посредством синтеза операций символизации и обобщения ошибочен в силу смешения обобщения и понятия. Специфика понятия состоит не в его обобщенном характере. Способность к обобщениям на уровне сенсорного познания общеизвестна, термин «обобщенное представление», обозначающий комплекс сенсорных характеристик, общих предметам некоторого класса, традиционно присутствует в философских словарях и учебниках. Понятие же принадлежит уровню рационального познания, противоположность которого сенсорному осознана еще в античности. Между тем все примеры обобщений в работе З. Зориной и А. Смирновой остаются внутри сенсорного познания, а «сколь бы общим ни было то или иное чувственное представление, оно... всегда будет оставаться по своим качественным особенностям чувственно наглядным...»⁶⁶.

Сенсорное познание – когнитивная система, представляющая субъекту мир в контексте возможностей телесного взаимодействия с ним. Эмпатическое познание – в контексте возможностей субъект-субъектных взаимодействий. Возникновение обобщенных субъектных репрезентантов – качественный скачок в развитии когнитивной системы эмпатического познания. Доступные животным формы последнего коррелируют с индивидуальными субъектами, субъектность каждого из которых неразрывно и естественным образом связана с конкретной сенсорно фиксируемой телесностью. Образ тела выступает репрезентирующей оболочкой скрывающегося за телом субъекта. Однако обобщенный субъектный репрезентант не связан естественным образом с какой-либо телесной оболочкой. И этот скачок обусловлен вовсе не автономной когнитивной эволюцией, а становлением таких онтологических единиц, которые не только сами не обладают сенсорными характеристиками, но и, в отличие, например, от биологического вида или человеческой личности, не связаны естественным образом с какой-либо определенной телесностью. Такие единицы сформировались на стадии постприродного мира, они выступали в качестве **надиндивидуальных субъектов**, и именно их представленность сознанию изначально обеспечивали обобщенные субъектные репрезентанты.

В постприродном мире биологический вид утрачивает статус базовой онтологической единицы, поскольку теперь системообразующее поведение фиксируется не генетически, а культурно и в рамках одного вида возникает сущностное поведенческое разнообразие. Соответственно, здесь формируются онтологические единицы нового типа – постприродные сообщества, в рамках каждого из которых воспроизводятся и развиваются сложнейшие уникальные культурные комплексы. Такие сообщества – надиндивидуальные субъекты. Прогноз их целостного поведения, как и поведения индивидов, через которых они персонифицируются, не связан ни с какой естественной телесностью, поскольку надиндивидуальный субъект как таковой сенсорно не фиксируем, а телесность входящих в него индивидов может не отличаться от индивидов из других сообществ и не коррелирует определенным образом с поведением. Соответственно, когнитивная репрезентация постприродных надиндивидуальных субъектов возможна только на базе

---

⁶⁶ Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа. Свердловск, 1986. С. 5.

искусственных физических сущностей – тел конвенциональных знаков, в качестве которых исходно могут выступать фиксируемые на теле индивида символы (известное антропологам искусственное шрамирование, более простые раскраска, одежда и т.п.), ровно так же, как это имеет место, скажем, у футбольных болельщиков, представителей молодежных или иных субкультур.

Коренное когнитивное отличие человека от животных состоит не в способностях к обобщению или символизации, вполне доступных животным в рамках сенсорного интеллекта и даже эмпатического познания на том его уровне, который неразрывно связан с естественной телесностью индивидуального субъекта. Интеллект животного может не слишком уступать или даже превосходить наш там, где речь идет о решении задач телесно оформленного мира. Это может быть орудийная деятельность, сенсорная память, счет, сложная борьба за власть в построенных на межиндивидуальных связях сообществах и т.д. Но психика животных не может сформировать системы оперирования когнитивными единицами, не несущими в себе сенсорного качества. Понятия, изначально возникающие как обобщенные субъектные репрезентанты (и в трансформированном виде сохраняющие эту основу, даже если они являются неодушевленными и весьма абстрактными⁶⁷), недоступны обезьянам. Они не обладают **априорными формами** понятий. Одна из основополагающих формул эволюционной эпистемологии – «априорное для индивида, апостериорно для вида». Животные не прошли той эволюции, которая конституировала эти формы у нас и, видимо, у некоторых вытесненных нами вариаций homo, с которыми мы некогда конкурировали. Миллионы лет ход нашей когнитивной эволюции детерминировался все более усложнявшейся и все более несенсорно насыщенной культурой. Не имеющие этой эволюции в своем «бэкграунде» животные не обладают даже предпосылками когнитивного освоения социального мира современных людей.

Конечно, потрясает эйдетическая память Аюму. Да, есть классы задач, в которых другие приматы нам могут и фору дать. Но никому из приматологов не приходит в голову предложить Канзи или Аюму проанализировать причины, например, кровавых маршей пролетарского, национального и прочих социализмов по истории XX в., ответить на вопрос, добьются ли окончательно реформы РАН российскую науку или все же здоровым силам удастся консолидироваться и не дать окончательно выкинуть Россию на обочину истории, ну или хотя бы просто посоветовать, за кого из кандидатов проголосовать на муниципальных выборах. Постприродный и социальный миры – миры образуемых в ходе эволюции культуры нефизических сущностей, первыми из которых стали сами постприродные сообщества. Жизнь в таком мире требует когнитивной фиксации этих сущностей, без чего построение адекватного поведения невозможно. Само это поведение – прежде всего, поведение **относительно нефизического мира** и, следовательно, **нефизическое поведение**. «Контекст общения людей – это не просто все то, что присутствует в их непосредственном окружении, начиная от температуры комнаты, в которой они находятся, и заканчивая доносящимися до них криками птиц»⁶⁸. Соответственно, оно не может обслуживаться когнитивной системой, предназначенной для построения физического поведения в физи-

⁶⁷ Шалютин Б.С. О сущности и формах эмпатического познания. С. 26–30.

⁶⁸ Томаселло М. Истоки человеческого общения. С. 79.

ческом мире. Для мира, в котором физическая телесность есть, по преимуществу, всего лишь символизация нетелесного содержания, необходима принципиально другая когнитивная система, чем та, в которой физические тела есть только сами эти тела или даже знаки других тел.

Гносеологически самое интересное здесь, пожалуй, состоит в том, что когнитивный инструментарий, сформировавшийся для того, чтобы обслуживать жизнь в постприродном и социальном мире, будучи обращенным и на саму природу, позволил заглянуть под ее сенсорную рубашку, обнаружив и там фундаментальные сенсорно нефиксируемые, а лишь умопостигаемые сущности и отношения между ними (в т.ч. выражаемые законами науки), проявлением которых выступает пространственно организованный мир. Впрочем, это уже совсем другая тема.

Подведу итоги. Приматологическая революция представляет собой грандиозный прорыв в наших представлениях о высших антропоидах. В целом ряде отношений они оказались несопоставимо ближе к нам, чем это считалось ранее. В некоторых аспектах когнитивной деятельности, относящихся к сенсорному и простым формам эмпатического познания, они нам почти или совсем не уступают. Однако утверждения об отсутствии качественного различия между поведением, мышлением, регулятивными системами обезьян и человека ошибочны. В эволюционно отделяющем нас от животных постприродном мире сформировались надындивидуальные, нефизические, сенсорно не фиксируемые онтологические единицы; на базе эмпатического познания начала складываться когнитивная система, обеспечивающая представленность сознанию мира нефизических сущностей и построение адекватного поведения в нем. Эта когнитивная система, в развитии оформившаяся как понятийная, интегрирована в специфически социальное поведение человека, во все основные механизмы его социальной регуляции, которые, таким образом, кардинально отличаются от регуляторов взаимного поведения высших обезьян.

Список литературы

- Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания / Пер. с фр. Б.С. Быховского // *Бергсон А.* Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Московского клуба, 1992. С. 50–155.
- Бутовская М.Л.* Эволюция человека и его социальной структуры // *Природа*. 1998. № 9. С. 87–99.
- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004. 440 с.
- Валь Ф. де.* Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.
- Вааль Ф. де.* Истоки морали. В поисках человеческого у приматов / Пер. с англ. Н. Лисова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.
- Вааль Ф. де.* Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Пер. с англ. Н. Майсурыяна. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 414 с.
- Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. 540 с.
- Пивоваров Д.В.* Проблема носителя идеального образа. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. 129 с.
- Томаселло М.* Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М. В. Фаликман, Е. В. Печенковой, М. В. Синицыной и др. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
- Шалютин Б.С.* Со-субъектность как основание морального, понятийного и религиозного сознания // *Религия, человек, общество: Тезисы сообщений Международного*

- научного религиоведческого конгресса (Курган, 22–24 сентября 1998 г.). Ч. 2 / Ред. И. Н. Степанова. Курган: Изд-во КГУ, 1998. С. 115–117.
- Шалютин Б.С.* О сущности и формах эмпатического познания // Вестник Курганского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 1. С. 26–30.
- Шалютин Б.С.* Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 14–26.
- Gardner A., Gardner B.* Teaching sign language to a chimpanzee // *Science*. 1969. Vol. 165. No. 3894. P. 664–672.
- Inoue S., Matsuzawa T.* Working memory of numerals in chimpanzees // *Current Biology*. 2007. Vol. 17. No. 23. P. 1004–1005.
- Matsuzawa T.* Q & A // *Current Biology*. 2007. Vol. 19. No. 8. P. 310–312.
- Mercader J., Barton H., Gillespie J., Harris J., Kuhn S., Tyler R., Boesch C.* 4,300-Year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104. No. 9. P. 3043–3048.
- Non Human Rights Project on behalf of Tommy v. Patrick Lavery. Petitioners Memorandum of Law. New York State. 02.12.2013. URL: <http://www.nonhumanrights.org/content/uploads/2013/12/Memorandum-of-Law-Tommy-Case.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).
- Pruetz J.D., Bertolani P.* Savanna Chimpanzees, Pan troglodytes verus, Hunt with Tools // *Current Biology*. 2007. Vol. 17. No. 5. P. 412–417.
- Richardson J.* An Interview with Frans de Waal. 03.01.2018. URL: <https://voicesforbiodiversity.org/articles/an-interview-with-frans-de-waal> (дата обращения: 03.02.2019).
- Savage-Rumbaugh S., Fields W.M., Segerdahl P., Rumbaugh D.* Culture prefigures cognition in Pan/Homo Bonobos // *Theoria*. 2005. No. 54. P. 311–328.
- Savage-Rumbaugh S., Fields W.M.* The evolution and the rise of human language: carry the baby // *Homo Symbolicus: the dawn of language, imagination, and spirituality* / Ed. by Ch. S. Heshilwood and F. d'Errico. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 13–47.
- Waal F. de.* Cultural primatology comes of age // *Nature*. 1999. Vol. 399. P. 635–636.
- Waal F. de.* Dr. Frans de Waal – The Feelings of Animals. 22.09.2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nXNjoJtZU6U> (дата обращения: 03.02.2019).

On the challenges of the primatological revolution, empathic cognition and the nature of a cognitive gap between a man and an ape

Boris S. Shalyutin

Commissioner for Human Rights in the Kurgan Region. 56 Gogol Str., Kurgan, 640002, Russian Federation; e-mail: shalutinbs@mail.ru

The article examines recent distinguished achievements in the study of anthropoids and critically discusses the assertions made by the leaders of the world primatology about the absence of a qualitative difference between apes and man in the cognitive sphere as well as among the methods of organizing communities and the mechanisms for regulating behavior. According to the presented position, a special ontological stage, namely, a post-natural world that had existed for millions of years, and then disappeared, evolutionally dissociates nature from society. During the development of the post-natural world, there appeared basic units of being of a new type. They could not be detected with senses and acted as supra-individual subjects. The system of their cognitive representation was formed on the basis of an empathic cognition. The development of this cognition resulted in a formation of a non-sensory conceptual cognitive system. The intellect of animals remained within the framework of sensory cognition and simple forms of empathic cognition indissolubly related to it. Qualitatively, the new cognitive system was based on concepts and initially arose in the context of the creation a new type of subject-subject inter-

action. It made it possible to discover entities that avoid sensory identification not only in the social life, but also in any other realm, including nature.

Keywords: social philosophy, epistemology, primatology, post-natural world, culture, politics, moral, empathic knowledge, concept, rational cognition

For citation: Shalyutin, B.S. “O vyzovakh primatologicheskoi revolyutsii, empaticheskom poznanii i prirode kognitivnogo otrывa cheloveka ot obez'yany” [On the challenges of the primatological revolution, empathic cognition and the nature of a cognitive gap between a man and an ape], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 4, pp. 15–31. (In Russian)

References

- Bergson, H. “Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya” [Essay on the immediate data of consciousness], trans. by B.S. Bychkovskii, in: H. Bergson, *Sochineniya* [Collected works], Vol. 1. Moscow: Moskovskogo-kluba Publ., 1992, pp. 50–155. (In Russian)
- Butovskaya, M.L. “Ehvoluyuciya cheloveka i ego socialnoj struktury” [Evolution of man and its social structure], *Priroda*, 1998, No. 9, pp. 87–99. (In Russian)
- Butovskaya, M.L. *Yazyk tela: priroda I kultura (ehvolucionnyye i kross-kulturnyye osnovy neverbalnoj kommunikacii cheloveka)* [Body language: nature and culture (evolutionary and cross-cultural bases of the human nonverbal communication)]. Moscow: Scientific World Publ., 2004. 440 pp. (In Russian)
- Gardner, A. & Gardner, B. “Teaching sign language to a chimpanzee”, *Science*, 1969, Vol. 165, No. 3894, pp. 664–672.
- Inoue, S. & Matsuzawa, T. “Working memory of numerals in chimpanzees”, *Current Biology*, 2007, Vol. 17, No. 23, pp. 1004–1005.
- Matsuzawa, T. “Q & A”, *Current Biology*, 2009, Vol. 19, No. 8, pp. 310–312.
- Mercader, J., Barton, H., Harris, J., Kuhn, S., Tyler, R., Boesch, C. & Gillespie, J. “4,300-Year-old chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology”, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2007, Vol. 104, No. 9, pp. 3043–3048.
- Non Human Rights Project on behalf of Tommy v. Patrick Lavery. Petitioners Memorandum of Law, New York State, 2.12.2013 [<http://www.nonhumanrights.org/content/uploads/2013/12/Memorandum-of-Law-Tommy-Case.pdf>, accessed on 04.02.2019].
- Pivovarov, D.V. *Problema nositelya ideal'nogo obraza* [The problem of the substrate of the ideal image]. Sverdlovsk: Ural University Publ., 1986. 129 pp. (In Russian)
- Pruetz, J.D. & Bertolani, P. “Savanna Chimpanzees, Pan troglodytes verus, Hunt with Tools”, *Current Biology*, 2007, Vol. 17, No. 5, pp. 412–417.
- Richardson, J. *An Interview with Frans de Waal*, 03.01.2018, [<https://voicesforbiodiversity.org/articles/an-interview-with-frans-de-waal>, accessed on 03.02.2019].
- Savage-Rumbaugh, S., Fields, W.M., Segerdahl, P. & Rumbaugh, D. “Culture prefigures cognition in Pan/Homo Bonobos”, *Theoria*, 2005, No. 54, pp. 311–328.
- Savage-Rumbaugh, S. & Fields, W.M. “The Evolution and the Rise of Human Language: carry the baby”, *Homo Symbolicus: the dawn of language, imagination, and spirituality*, ed. by Ch. S. Heshilwood and F. d'Errico. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Company Publ., 2011, pp. 13–47.
- Shalyutin, B.S. “So-sub'ektnost' kak osnovanie moral'nogo, ponyatijnogo i religioznogo soznaniya” [Co-subjectness as the basis of moral, conceptual and religious consciousness], *Religiya, chelovek, obshchestvo: Tezisy soobshchenii mezhdunarodnogo nauchnogo religiovedcheskogo kongressa (Kurgan, 22–24 sentyabrya 1998 g.)* [Religion, man, society: abstracts of the reports of the international scientific religious congress (Kurgan, September 22–24, 1998)], Pt. 2, ed. by I.N. Stepanova. Kurgan: Kurgan St. Univ. Publ., 1998, pp. 26–30. (In Russian)
- Shalyutin, B.S. “O sushchnosti i formah empaticheskogo poznaniya” [On the essence and forms of empathic knowledge], *Vestnik Kurganskogo universiteta*, 2005, Vol. 3, No. 3, pp. 26–30. (In Russian)

- Shalyutin, B. S. "Pravogenez kak faktor stanovleniya obshchestva i cheloveka" [Origin of law as factor of the origin of man and society], *Voprosy filosofii*, 2011, No. 11, pp. 14–26. (In Russian)
- Tomasello, M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of human communication], trans. by M.V. Falikman, E.V. Pechenkova, M.V. Sinicina et al. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011. 328 pp. (In Russian)
- Waal, F. de. "Cultural primatology comes of age", *Nature*, 1999, Vol. 399, pp. 635–636.
- Waal, F. de. "The Feelings of Animals", 22.09.2012, [<https://www.youtube.com/watch?v=nXNjoJtZU6U>, accessed on 03.02.2019].
- Waal, F. de. *Istoki morali. V poiskah chelovecheskogo u primatov* [The bonobo and the atheist: in search of humanism among the primates], trans. by N. Lisova. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 384 pp. (In Russian)
- Waal, F. de. *Politika u shimpanze: Vlast' i seks u primatov* [Chimpanzee politics: power and sex among apes], trans. by D. Kralachkin. Moscow: High School of Economics Publ., 2014. 268 pp. (In Russian)
- Waal, F. de. *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zivotnyh?* [Are we smart enough to know how smart animals are?], trans. by N. Majsuryan. Moscow: High School of Economics Publ., 2017. 414 pp. (In Russian)
- Zorina, Z.A. & Smirnova, A.A. *O chem rasskazali «govoryashchie» obez'yany: Sposobny li vysshie zivotnye operirovat' simvolami?* [Something to tell 'talking' monkeys: Are higher animals operate with symbols?]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 540 pp. (In Russian)